

Глава 23

Конец народовластия

21 сентября 1993 года в 20 часов по московскому времени в России произошел государственный переворот. Он был направлен против народа, государства, Конституции. К этому мятежу, который войдет не только в отечественную, но и мировую историю, нынешние власти шли несколько лет. В декабре 1991 года в лесных дебрях подле польской границы было разрушено единое государство — народ проглотил! В этом же месяце Ельцин и Верховный Совет РСФСР разогнали Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР — прошло! Опыт государственных переворотов был накоплен. Безнаказанность позволяла их организаторам с каждым годом вести себя все более нагло и цинично. Нарушение не только правовых, в том числе ими же установленных, но и моральных норм стало повседневной практикой представителей власти, прежде всего — исполнительной. Они приучили народ к тому, что могут позволить себе все, не считаясь с его мнением.

И вот наступили сентябрьско-октябрьские дни 93 года. Конституция, на которой лежала рука Президента России при его инаугурации, им же попорана. Представительная власть в лице Советов народных депутатов распущена на всех уровнях. Лозунг, который позволил демократам прийти к управлению страной, — «Вся власть Советам!» выброшен на помойку Истории и взят на вооружение новый, прямо противоположный: «Долой власть Советов!»

В стране развернулась обвальная критика Советов как формы государства, формы народовластия. Я не идеализирую их — они, Советы, имели немало недостатков, в их деятельности было много заорганизованности и формализма. Да и само требование, выраженное словом «вся», как я уже говорил, для сегодняшнего дня было ошибочным. Но тем

не менее, начиная с 89 года, Советы постепенно освобождались от исторически возникших слабостей и недостатков, и, переживая трудности возрождения и развития, становились все более реальной, все более эффективной властью. Постепенно у них открывалось второе дыхание.

Советы народных депутатов родились в нашей стране и стали характерным признаком ее политической организации. Они самым естественным образом выросли из многовековых соборных, коллективистских традиций народа. Миллионы людей были соучастниками в выработке и принятии решений на всех уровнях — от села до государства в целом. В нашем менталитете «мы» доминирует над «я», и именно советский строй существенно укрепил эту особенность психологии граждан СССР и большинства государств, появившихся на его территории. Однако сейчас правящие круги судорожно пытаются насильственно насадить в стране капиталистический строй. А он, вопреки нашим традициям, с неизбежностью выдвигает на первое место в сознании каждого человека «я», к тому же чудовищно гипертрофированное и противопоставляемое отброшенному на задворки «мы». И можно сказать, что с этой точки зрения вполне естественно, что именно Советы стали ближайшей жертвой оголтелых отечественных идолопоклонников, казалось, навсегда ушедшего в прошлое строя.

О том же, к чему это привело страну и народ, пусть скажет человек, которого трудно заподозрить в приверженности к коммунизму, да, наверное, и в симпатиях к Советам, А. И. Солженицын: «Проехав много российских областей, через тысячи писем вдогонку я вынес ощущение, что наша народная масса обескуражена. Людей низов практически исключили из жизни. Все, что делается в стране, происходит помимо них. У них остался небогатый выбор. Или влачить нищенское и покорное существование, или искать пути, такие, как незаконные ремесла, как обманывать государство или друг друга».

На страну, на народ идет массивное наступление, цель которого, если отбросить лживые заверения нынешних лидеров, — превращение России и других новых государств на территории СССР в третьестепенные на мировой арене силы, с которыми США и прочие «цивилизованные» страны смогут обращаться, как со своими полуколониями. Пройдет время, и люди осознают, что они потеряли. Не может быть, чтобы народ этого не понял.

Все чаще можно слышать, что раньше была ясность

жизненных целей и, главное, уверенность в будущем. Сейчас же развернулось наступление на демократию, преданы забвению лозунги, под которыми выступало немало и честных людей за перемены в стране. Кончилось какое-либо народовластие. И ведь все это не встретило организованного сопротивления народа. Каждый ушел в себя, стремится выжить в одиночку. Веры сейчас нет никому. Пропаганда выкорчевывает из человека дух коллективизма. Но все это обманчиво. Ведь он воспитывался в народе не только на полях сражений с чужеземными врагами и в общинном быту, но во многом и через те формы управления, в которых присутствовали — на разных этапах в той или иной мере — элементы народовластия.

История говорит, что в старину оно проявляло себя в основном в пределах городов-республик, например, в Великом Новгороде. Традиционно в России на низшем уровне всегда были ячейки самоуправления. Мирские сходы, сельские или волостные, собирались из представителей народа для обсуждения местных нужд, выносили свои решения. Эти сходы-советы избирали старосту, писаря и казначея, назначали свои «силы порядка» — сотских и десятских. Представителя царской полиции — урядника приглашали очень редко, в особо важных случаях, скажем, в связи с убийством для составления протокола. Все же повседневные вопросы решали сами, без постороннего вмешательства. По такому же принципу формировали «веча» казаков, купцов, мещан, дворян, офицеров, «инородцев» и т. д.

В 1864 году царем-реформатором Александром II под давлением все более остро ощущавших о себе задачу развития России были введены земства — выборные органы местного самоуправления. Им были переданы многие организационно-хозяйственные функции губерний и уездов. Земства тем и были сильны, что в их работе участвовали все сословия граждан. Эти органы просуществовали более полувека и добились больших успехов в своей деятельности: открывали больницы, сохранившиеся в глубинке до сих пор, аптеки, организовывали фельдшерские и акушерские курсы, созывали съезды врачей. Они, земства, основывали школы, гимназии и учительские семинарии, выдавали стипендии нуждающимся, устраивали сельскохозяйственные выставки, опытно-показательные станции, открывали сельхозучреждения, собирали — замечательную, кстати, — статистическую информацию и т. д., и т. п.

Думаю, читатели поймут меня правильно, если я огра-

ничусь в этой книге только приведенной информацией и не стану разбирать достоинства и недостатки земской реформы 130-летней давности, пересказывать историю земства и анализировать его сословную природу и роль в общей структуре политического устройства Российской империи.

После Великой Октябрьской социалистической революции многие функции земств перешли к местным Советам. Они представляли собой крупнейший шаг вперед в развитии народовластия в нашей стране да и во всем мире. Только депутатов в Советах всех уровней в 80-х годах было более 2 миллионов. Вместе с тем, повторю, в самом положении Советов в системе политической власти, в их реальных экономических возможностях на подведомственной территории, в формах и результатах деятельности было много оснований для критики. В какой-то мере я уже рассказал об этом, подчеркивая вместе с тем, что с перестройкой началось движение к возвращению Советам того фактического статуса, который они должны были иметь в качестве политической основы СССР.

Вместо продолжения, углубления, расширения этого процесса, как можно было ожидать от тех, кто выступал на политической арене под флагом демократии, в 93 году в одночасье президентским указом власть Советов была ликвидирована. С этого момента население, общественность полностью отстранены от сколько-нибудь реального участия в решении вопросов своей жизни и быта. Нынешние реформаторы исключили из любого участия в управлении тысячи и тысячи граждан. Система рычагов управления дала еще больший перекося в сторону власти исполнительной. Администрация всех уровней сегодня многолика: она есть власть и представительная, и исполнительная, а главное — власть бюрократического произвола. В областях и городах созданы малочисленные «областные думы», «областные собрания» с урезанными до невозможности функциями. Такая «представительная» власть даже и на декорации не тянет. Таким образом, с ликвидацией Советской власти ситуация резко изменилась: сверху донизу бюрократия полностью отстранила население от активной общественной жизни, от возможности влиять на политику в стране.

Не случайно, что сейчас настойчиво пробиваются ростки нового земского движения. Это является ответом на устранение народа от участия во властных структурах. Но, судя по всему, это движение не получает поддержки не только со стороны верхов власти, но и многих региональных, преж-

де всего исполнительных, структур. Они боятся делиться властью с другими ее ветвями, пуще того — допускать народ до нее. Именно поэтому в последнее время в печати появилось много, на мой взгляд, заказных статей, которые преследуют цель доказать, что, во-первых, «кухарки» не имеют права управлять государством, и, во-вторых, что люди из «низов» должны исключаться из процесса принятия политических решений.

Как только ни обыгрывается современными идеологами, политологами, юмористами и журналистами ленинская мысль о том, что любая кухарка должна учиться управлять государством (учиться управлять, а не обязательно управлять!). Эти политические сороки верещат о том, что все, дескать, загубили дети прачек и сапожников, слесари и бетонщики в годы Советской власти. В ответ можно было бы привести примеры из современной мировой истории, когда дети «кухарок» неплохо управляли государствами. А уж о Советской власти и говорить не приходится: именно она дала возможность в массовом порядке детям рабочих и крестьян, токарям да малярам стать докторами наук и академиками, министрами, премьерами, президентами. Не всем, правда, бесплатное образование впрок пошло: мы видим, к каким результатам привели страну вроде бы ученые, со степенями, безответственные краснобаи, способные лишь повторять «чужие зады». Ну, и, конечно, у них всегда найдутся подпевалы, зачастую приоткрывающие то, что боссы топят в более гибких речах.

Вот пример — как раз по теме разговора. В 94 году в одном из «толстых» журналов появилась статья под громким названием: «Демократия и свобода». Приведу заключительный пассаж: «Если большинство в стране составляют бедняки, то они должны иметь возможность разбогатеть, но не должны иметь возможности управлять государством. Не важно, каким путем это может быть сделано — путем сильного идеологического давления на избирателей, которые в результате голосуют за людей, вовсе, по счастью, не представляющих сиюминутного интереса бедняка. Путем ложных предвыборных обещаний социальной защиты, которые затем не будут выполнены... Путем разгона парламента, если в нем обнаружится слишком много депутатов, которые, как и две тысячи лет назад, опираются в своем преследовании богатых на интересы нищих, требующих от государства прожиточного минимума, а не возможностей для предпринимательства, и желают путем раздачи иму-

щества, что им не принадлежит, добраться до власти, какой они не достойны».

Комментировать этот циничный текст — рука не поднимается. Но благодарность автору высказать спешу: наконец-то я понял, почему новые власти, по всеобщему мнению, судорожно спешат обогатиться за счет разграбления страны и обнищания масс. Я-то и многие думали, что ради вульгарной жадности и корысти, а оказывается, чтобы получить право на власть, быть среди достойных ее и своим на редкость умелым управлением дать возможность обогатиться подобным им!

Становится понятным и то, почему жесткой критике подвергалась система квот представительства в органах управления рабочих, крестьян, женщин. Передо мной книга-справочник Третьей Государственной думы (1907—1912 годы). В начале века в условиях самодержавия в Думе было 80 крестьян и рабочих, т. е. примерно 20 процентов от общей численности. А в нынешней «демократической» Госдуме? Я насчитал аж четырех рабочих! Как правило, они — люди небогатые и потому недостойны быть у рычагов власти. Ну и ну! Жаль, теперь не все имеют возможность читать «толстые» журналы и редкие книги...

Действительно, обнаженная правда заключается в том, что современное «народовластие», то бишь «демократия», есть лишь слегка маскируемое отлучение масс от политики, от права людей самим решать вопросы жизни своей и Отечества.

До последнего времени нередко полагали, что многие беды социалистического общества были связаны с существованием всемогущего партгосаппарата, который давил на общество и на отдельную личность, не давал им саморазвиваться, а следовательно, тормозил расцвет экономики и культуры. Но это представление весьма упрощенное. Верно, было и подавление инакомыслящих, но была и мощная защита государственных и национальных интересов. Перестройка принесла с собой свежие ветры свободы. Но не так все произошло, как думалось. Свобода — штука тонкая, она в какой-то степени парадоксальна. Она сопротивляется всякому внешнему принуждению (того же аппарата), но вместе с тем для одного человека она кончается там, где начинается свобода другого.

Я неоднократно отмечал, что истинная, реальная, а не в анархопопулистском смысле свобода несет в себе начала ограничения и, что еще важнее, — самоограничения. Го-

сударство, мировое сообщество зиждятся именно на этих положениях. И государство, и гражданин берут на себя определенные обязательства. Если этого нет, все превращается в произвол — личности или государства. Скажем, различные региональные войны и конфликты — не результат ли они отсутствия того же самоограничения?

Ну, а там, где произвол, там начинается несвобода и незащищенность: тот, кто имеет власть, притом не ограниченную какими-либо сдерживающими началами, давит на того, кто ее не имеет. К сожалению, это можно отнести не только к отдельному человеку, но и в целом к обществу, к отношениям между регионами, между ними и Центром внутри государств и между ними.

Во всех таких случаях двойной стандарт так и прет из всех щелей. Например, я не сторонник силового распутывания чеченского узла. Чечня была и должна быть в составе России, но об этом надо было думать и действовать три года назад. Тогда и не надо было бы проливать реки крови и уничтожать до основания город. Но обратите внимание: осуждать-то Россию стали как по команде! В то же время в очередной раз мусульмане в Боснии и Герцеговине прервали перемирие и пошли в наступление на сербов. Реакция Запада — бомбить сербские позиции. Израиль, только что отбомбив Бейрут, заявляет о своей «озабоченности событиями в Чечне», Германия, поставлявшая оружие католикам в Боснии, обсуждает чеченский вопрос в Бундестаге. Англия, решившая сугубо военным путем проблему спорных Фолклендских островов, тоже берется судить о наших внутренних делах.

Это наша реальная жизнь в постсоветском времени. Сейчас все находятся в растерянности. Прежние, социалистические, советские ценности и ориентиры разрушены, а новых нет. Свобода человека и самого государства оказалась без защиты. Западные шаблоны индивидуального материального благополучия без высокой и общей для всего народа цели в России привиться не могут. Более того, они вызывают у большинства людей резко отрицательное отношение. Никто не против материального благополучия, но в нашей стране — только в сочетании с духовным богатством, с общими интересами и идеалами. «Сникерс» и даже «видак» их нам не заменят. В общем, сейчас, как никогда, нужна новая система защиты свободы и прав человека, безопасности всего общества и самого государства.

К сожалению, гражданского общества у нас еще нет, и

его невозможно создать без гражданского мира, без улаживания конфликтов, которые сейчас раздирают не только территорию Советского Союза, но и саму Россию. Чечня тому яркий пример. Остановятся ли лидеры России на этом, или это только прелюдия большой трагедии большого государства? Российским, да и не только им, а всем лидерам постсоветского пространства необходимо уяснить, что значительная часть населения их стран не может и даже не хочет адаптироваться к навязываемой ему давно отброшенной общественной системе. В то же время, как известно, все развитые капиталистические страны «переварили» в своей практике социалистический опыт, который нынешними лидерами России категорически отвергается.

В массе своей социально активные люди и не стремились сменить общественный строй. Боролись они с недостатками одного строя, а их силой и обманом затаскивают в совершенно иной. Люди дезинформированы и дезориентированы. В их поведении все отчетливее проявляются социальное недовольство и готовность участвовать в движении протеста. В обществе накапливается конфликтный потенциал, и не видеть этого нельзя, да и опасно.

В начале этой главы говорилось об особенностях российского общества, в том числе и советского периода. Духовное единение людей определяло их образ жизни и социальное поведение. При смене строя, как и следовало ожидать, стали быстро разрушаться основные моральные принципы, на которых держалось общество. Сейчас на глазах происходит его духовно-нравственное перерождение. Искореняется коллективистская мораль, насаждаются индивидуализм, эгоизм, проповедуются спекулятивное обогащение, неразборчивость в выборе средств его достижения. Предастся забвению честный производительный труд, поощряется участие детей в полукриминальном бизнесе.

Все эти изменения многие средства массовой информации и сами власти преподносят как неизбежные в рыночной экономике. На мой взгляд, это примитивные рассуждения. Просто без разбору открыты шлюзы для потока западной морали, устроен настоящий «телемусоропровод». Многие страны после окончания Второй мировой войны перешли на рыночные отношения. Но они оберегали и культивировали свои моральные ценности и традиции. Мы же прельстились здоровьем Запада, а приобрели его болезни. В разгуле ниспровержения своих накопленных духовных ценностей стали участвовать десятки, если не сотни различных

сомнительных сект и «учений», которые, располагая большими финансовыми средствами и получая часто поддержку властей, всячески вытесняют русскую православную церковь, хотя та в своем учении имеет немало идей, соответствующих образу мыслей и жизни нашего народа.

Особую тревогу вызывает положение молодежи. В этом слое общества произошли наиболее существенные изменения в жизненной перспективе и ориентации. Разрушается преемственность поколений, происходит их искусственный разрыв. Только на отрицании «отцов», их идеалов и пройденного ими пути, без высоких общенародных духовных целей и созидательных задач молодежь не воспитаешь. Невозможно строить новое лишь на ненависти к старому. Сейчас нам грозит потеря целого поколения. Между тем дальнейшее развитие страны не может происходить без активного и целеустремленного участия в нем молодежи.

Для меня, человека, находившегося в течение пяти лет на вершине пирамиды власти в Советском Союзе, уже тогда было совершенно ясно, что рвущийся к власти Ельцин, его единомышленники и попутчики претендуют не только на захват ее, как это было, скажем, при смене Хрущева Брежневым, а будут стремиться к изменению существующего строя. Антисоветские, антисоциалистические силы поднимали голову и, играя на недостатках в стране, вели массированное наступление на сами ее общественные и государственные устои. После прихода к руководству парламентом России Ельцина и его соратников четко обозначилась их линия на противопоставление России всем органам власти Союза. Совет Министров РСФСР противостоял Совету Министров СССР, Верховный Совет РСФСР — Верховному Совету СССР. А вот «визави» Президента СССР в то время не было.

На 12 июня 1991 года (день провозглашения суверенитета России в 90 году) были объявлены выборы Президента РСФСР. И уже в апреле ко мне посыпались звонки из областей, республик, от трудовых коллективов и многих общественных и политических деятелей с просьбой дать согласие баллотироваться в президенты России. Многочисленные встречи с их представителями заканчивались тем же. У меня было полное моральное право отказаться, сослаться на не так давно перенесенную болезнь. Но тогда бы я до конца своих дней корил себя за то, что даже не попытался вступить в борьбу.

Следя за бурными событиями того страшного для страны

года, я понимал, что наступает пик противостояния всех ветвей власти России и СССР. И если победит на выборах Ельцин, то тогда судьба страны будет предрешена. Если же победит другой, в том числе и Рыжков, то еще можно предотвратить катастрофу и с помощью взвешенных реформ, нормальных взаимоотношений Центра и республик не допустить разрушения государства и стабилизировать положение. Вместе с тем я понимал и то, что в обстановке неприятия народом Горбачева и его политики, полного разброда в стране, вызванного той же оппозицией Ельцина, победить было трудно. Народ был одурачен. Многие пребывали в ожидании рая небесного на 501-й день и видели в Ельцине чуть ли не Мессию, спасителя Отечества. Но я все же надеялся, что, может быть, мой голос предостережения будет услышан.

Не буду останавливаться на всех перипетиях избирательной кампании. Там было все: и клевета, и грязь, и помои. Все было пущено в оборот. Да и фамилия моя часто ассоциировалась с Горбачевым. Все мои попытки объяснить людям, что это далеко от действительности, что пути наши давно разошлись, что он предал идеалы перестройки и тех людей, с которыми он ее начинал, доходили не до всех. Люди голосовали тогда не только за Ельцина, но и против Горбачева. И мои противники немало потрудились, «связывая» меня с ним.

Чтобы иметь представление о том времени и сложившейся ситуации, приведу выдержки из интервью с журналистом газеты «Советская Россия» за две недели до голосования. Название интервью: «Я предлагаю другой путь...» само за себя говорит.

«Человек со стороны... Так определил я свою позицию, следя за предвыборной борьбой Н. И. Рыжкова. Был на его встречах, беседовал с ним, спрашивал мнение избирателей. И непрерывно наблюдал за Николаем Ивановичем. Наверное, не каждый лидер знает, как воспринимается он из зала, людской толпы. Любой деланный интерес к собеседникам, позирование и рисовка сразу бросаются в глаза. У Рыжкова интерес к людям искренний.

Но это не интервью, а ответы на вопросы, которые Николаю Ивановичу задают на встречах и шлют наши читатели. Н. Белан».

«Как он смел выставить себя на пост Президента России? Всем же ясно, что народ выберет Ельцина». «Вас что, Горбачев или ЦК КПСС обязал?»

— Согласие баллотироваться я дал по собственной воле. Ни ЦК меня не обязывал, ни Горбачев. За пять лет работы Председателем Совета Министров страны я испытал, что такое власть, вкусил ее «прелести», знаю, насколько это тяжелый и часто неблагодарный труд.

Однако положение в стране и России ухудшается, оно критическое. И я не уверен, что программа Ельцина, с которой он выступает сейчас, изменит положение дел к лучшему. Все будет наоборот. Поэтому я не мог оставаться в стороне, безучастно наблюдать за развитием событий. Вот что движет мною...

Теперь о программах. Летом прошлого (1990) года, вы помните, их было две по переходу к рынку — правительственная и «500 дней». Последнюю еще называли программой «шоковой терапии», отношение к которой у меня однозначное. Убеден, что перевод экономики на новые рельсы неизбежен. Кстати, я был одним из первых, кто говорил, что мы исчерпали свои возможности в жесткой планово-распределительной системе, что по-старому мы дальше двигаться не в состоянии и что нужно переходить на более гибкие формы экономических отношений. Но наша формула была — регулируемый рынок, плавный, постепенный переход к нему. Когда рушится что-то старое и тут же взамен создается новое, все просчитывается, прогнозируется, а не сметается одним махом, в короткий период.

Я категорически против таких мер, против «шоковой терапии», считал и считаю, что попытка перехода в течение нескольких месяцев на новые экономические отношения чревата серьезными последствиями.

Чтобы переходить на свободный рынок, нужно создать соответствующие структуры. А сказать: все, с нового года госзаказа не будет, как это предлагается сейчас, надеяться только на себя — это несерьезно. Сегодня трудно, но если с нового года вообще никакого регулирования не будет, то многие предприятия не смогут работать. Особенно машиностроительные, которые имеют огромные кооперационные связи между собой.

Или другое: я за многообразие форм собственности. Надо находить такие формы, чтобы человек действительно был собственником своих средств производства. А что касается мелких предприятий — каких-то мастерских, кафе, магазинчиков и т. д., то здесь у нас будет и частная собственность. Но при этом я за то, чтобы приоритет был у людей, которые работают на этих мелких предприятиях, чтобы они

в первую очередь могли приобрести их. Пусть они решают свою судьбу, а не на торгах, аукционах те, кто ворочает миллионами.

Что же касается крупных предприятий, так есть акционерная, коллективная собственность, когда, к примеру, средствами производства наделяется каждый работающий член коллектива и имеет свою долю прибыли, так называемые народные предприятия. Надо по этому пути идти. И в сельском хозяйстве — я категорический противник частной собственности на землю для товарного производства, ее купли и продажи. (Поясню сегодня: говоря о «земле товарного производства», я не имею в виду, конечно, приусадебные, садово-огородные и дачные участки.)

Каждый человек должен иметь право работать на земле, выбирать, что ему по душе: хочешь быть фермером — пожалуйста, оставаться в колхозе — на здоровье.

Я и за то, чтобы передавать землю по наследству. Но продавать?..

«Как вы относитесь к приватизации нерентабельных предприятий?» «Вы консерватор, вы против жилищной реформы, а значит, тянете нас в застойные времена».

— Категорически не согласен с теми, кто призывает до нового года «разобраться» с убыточными предприятиями и насильственно их приватизировать, то есть пустить с молотка. Такая поспешность — дело опасное.

Ведь возьмем ту же угольную промышленность — она имеет от государства 23 миллиарда рублей дотаций. Что же произойдет, если шахты купят наши доморощенные или иностранные бизнесмены? А о миллионах безработных кто подумал? Поэтому я понимаю, что нерентабельное предприятие — это действительно наше несчастье, это гиря на ногах экономики страны, но провозглашать лозунг принудительной приватизации преждевременно. Сегодня у нас 25 процентов колхозов — убыточные, что же, делать коллективизацию наоборот? А может, разобраться в каждом отдельном случае, помочь хозяйству встать на ноги, в том числе за счет введения новых форм собственности?

О приватизации жилья. Год назад этот вопрос обсуждался на Президентском совете. Предлагалось: давайте делать рынок жилья, чтобы человек мог свободно продать и купить квартиру. А с целью ускорения создания такого рынка предлагалось резко увеличить квартирную плату, особенно за излишки площади. Вроде бы звучит привлекательно. Но я тогда выступил категорически против. Нельзя так легко

подходить к этой проблеме, глубоко не изучив, не просчитав. У нас, к примеру, сегодня в СССР 60 миллионов пенсионеров, из них, по данным, которыми располагаем, 30 миллионов человек имеют излишки жилья — кто пять, кто десять квадратных метров, а кто и больше. Так сложилось — уехали дети, умерли муж или жена... Как же этих стариков вырывать из своих гнезд, домашний очаг ведь не просто стены. Это больше проблема моральная, нравственная. Но и материальная: представьте, если за излишки жилья они станут платить по той «кривой», что предлагалась, — никакой пенсии не хватит.

А разве по силам купить квартиру молодым и малоимущим семьям? Разве не ясно, куда уплывут квартиры?

Вот такой я консерватор в этом вопросе — был и остаюсь им. Считаю, что нужно развивать стройиндустрию, больше строить, поддерживать кооперативное, индивидуальное и другие формы строительства, а не заниматься только перераспределением. (Добавлю сегодня, что авторами этого предложения были А. Яковлев и Горбачев. Узнав, что вопрос срочно выносится на Президентский совет, я попросил Горбачева снять его с обсуждения. Он мне пообещал, но не сделал этого.)

«Рыжков — автор повышения цен». «Уходя в отставку, он посоветовал Павлову поднять цены».

— Да, мы постоянно говорили о том, что в вопросах ценообразования было отставание. Надо было отрегулировать цены, но сделать это еще в 1988 году, тогда бы все прошло с меньшими потерями, чем сейчас. В 1990 году мы вновь на этом настаивали.

По расчетам, общая сумма повышения цен в 1990 году должна была составить 160 миллиардов рублей, причем предусматривалась полная компенсация за ряд продуктов, детский ассортимент почти не затрагивался. Однако наполучал я шишек за «непопулярные меры», хотя с тем, что надо отрегулировать цены, были согласны практически все руководители и ведущие экономисты страны. Ну, к чему в результате пришли? Со 2 апреля 1991 года цены были подняты на 311 миллиардов рублей, что практически вдвое больше, чем предлагалось нами, а на многие товары — и в три раза.

Все это больно ударило по народу. И я не понимаю, как можно сегодня вносить предложение до конца года вообще отпустить цены, отменить их регулирование, установленный предельный потолок.

То, что предлагается моими оппонентами, вызовет новую инфляцию: повысятся цены, нужно будет опять повышать зарплату, а она возрастет — цены поползут вверх. И так виток за витком.

Такая постановка вопроса недопустима. Пострадают ветераны, малоимущие семьи, молодежь, инвалиды, все те, кто не имеет «лихих» заработков.

Уже сейчас, считаю, допущен вопиющий перегиб с повышением цен на детские товары. Мало того, что оно по семьям ударило, о будущем давайте подумаем: упадет рождаемость в стране, из-за дороговизны продуктов питания дети недополучат витамины, белки, жиры, углеводы, что скажется на генетическом фонде страны. Вы критикуете Рыжкова, не соглашаетесь с ним, но подумайте, к чему приведет нас «шоковая терапия».

И последнее: Павлову я никаких советов не давал.

«Ваши отношения с М. С. Горбачевым?» «Были ли у вас разногласия с ним?» «Если вас изберут Президентом России, не окажетесь ли вы во всем согласны с ним?» «Почему вы ушли в отставку?»

— Сейчас у меня никаких отношений с ним нет. Я не участвую ни в каких совещаниях, не являюсь советником.

Раньше, примерно до 1987 года, особых разногласий у нас с ним не было. Если помните, перестройка тогда набирала темпы, на подъеме была экономика страны. Однако и тогда я занимал независимую, самостоятельную позицию: считал возможным высказаться принципиально, даже если и оставался на Политбюро в меньшинстве. Вспомним ту же антиалкогольную кампанию. Я выступал против тех методов, которыми ее предлагалось осуществлять.

В последнее время, особенно в 1989—1990 годах, у нас были большие разногласия с Горбачевым. О них я говорил прямо, в глаза — и на Политбюро, и на Президентском совете. Например, о той же приватизации жилья.

Особый пункт — программа перехода к рынку. Правительственная программа дважды рассматривалась на Президентском совете, я ее представлял там, ее критиковали, дополняли, в конце концов сказали: хорошо, товарищ Рыжков, выходите с ней на Верховный Совет СССР. Я знал, что будет острая критика, особенно из-за ценового фактора. Но как иначе я мог поступить в то время, если с 1988 года в каждом документе говорилось: вот когда подойдем к реформе розничного ценообразования, то обязательно посоветуемся с народом. Поэтому я и вышел на трибуну, честно

сказал, как мы видим все это дело. И принял на себя весь огонь...

А потом, через месяц, появилась программа «500 дней». Горбачев заявляет: я большой ее приверженец. Я спрашиваю: «Так когда же вы были искренни: когда Президентский совет благословил меня выходить с правительственной программой на Верховный Совет или сейчас?» Я не понимаю, — говорю ему, — как можно в такой обстановке работать, сегодня — одно, завтра — другое».

Я всегда был искренен в своей позиции. Единственное, что ставлю себе в укор, так это то, что нужно было на год раньше сказать то, что я говорил в декабре прошлого года (1990-го) на Съезде народных депутатов СССР. Что перестройка в том виде, как ее задумали в 1985 году, не состоялась.

Что касается моего ухода. Если помните, Съезд народных депутатов страны изменил Конституцию, Совет Министров приказал долго жить, его просто не стало.

Но это формальная сторона вопроса. Главная же причина была в том, что за несколько недель до Съезда я заявил Горбачеву, что не согласен с проводимой экономической и политической реформой, поэтому заявляю о своей отставке.

Но, как бы то ни было, остаюсь на своих позициях. Считаю, что тот поворот, который сегодня делается, ведет страну к «шоковой терапии», а это остро отразится на жизни народа.

Мы это знаем, например, по Польше. Да, там сегодня все лежит на прилавках, но купить простому человеку не по карману. Насытить рынок таким образом, за счет снижения потребления, ума большого не надо, я мог сделать это в одну ночь: поднять цены как следует — и в магазинах изобилие. Я же сторонник другого: надо найти такое равновесие, чтобы и товары были, и человек мог приобрести их.

«Сначала экономику страны развалил, а теперь в российских президенты нацелился».

— Давайте вспомним о том, что происходило в стране в течение пяти лет. Считаю, что первые три года мы развивались нормально. А потом пошла полнейшая неразбериха: и война законов, и забастовочное движение, и нарушение договорных связей... Как можно нормально работать, когда Армения, например, закрывает химический завод, и из-за этого 700 предприятий страны оказываются без продукции?

Но в целом страна развивалась не так, как хотелось мне тоже. Как известно, все познается в сравнении. Поживем — увидим, что будет, если победит Ельцин...

«Как вы относитесь к Б. Н. Ельцину?»

— Его я знаю давно, мы вместе работали с ним в Свердловске. Он — в областном комитете партии, я — на заводе.

Я не согласен с его программой по социально-экономическому развитию России, о чем сказал выше. Не понимаю и его поведения, методы действий. В КПСС он сделал карьеру, дошел до кандидата в члены Политбюро, руководителя столичной партийной организации, а потом стал топтать все, что его воспитало и что он насаждал партийной дисциплиной на протяжении двух десятков лет. Это уже не позиция. А его «война» с Центром? Ему все время кто-то мешает.

Прямо говорю: если меня изберут Президентом России, буду бороться за нее, защищать ее интересы. Но при этом не буду проводить линию на развал Союза.

«Если вас изберут Президентом РСФСР, с каких первоочередных мер вы начнете осуществлять стабилизацию экономики?»

— Вывести Россию за 40 дней или за полгода из кризиса, стабилизировать экономику — дело абсолютно нереальное. Начнем с агропромышленного комплекса: нужно поднять его, насытить рынок продовольствием. Второе — надо стабилизировать положение дел в промышленности. И еще один вопрос первоочередной важности — решительная борьба с уголовной преступностью и спекуляцией.

Наша программа по сути проста и направлена на то, чтобы поднять достоинство человека — речь о каждом россияnine. Не словами, не лозунгами, а прежде всего обеспечением высокого уровня жизни, материального благополучия, развитием духовности.

Думаю, это нам по плечу — есть опыт, знания, энергия и стремление работать».

Это говорилось 30 мая 1991 года. Прошло четыре года. Читатель может оценить мое тогдашнее видение перспектив в случае победы Ельцина. Что-то я мог недооценить, но в целом жизнь подтвердила мои опасения за судьбу народа и государства. Из шести кандидатов я завоевал второе место в президентской избирательной скачке. Крайняя ее поспешность тоже входила в стратегические расчеты команды будущего Президента: не дать долго думать народу. И эта задача была решена...

С тех пор основная масса людей и впрямь находится в шоке, живет молча, стиснув зубы, ее гнев капля за каплей наполняет чашу терпения. Думают ли нынешние власти о том, что будет с ними, когда он польется через край? Ведь в конце концов прозреют все и поднимутся из грязи, куда они сброшены ельцинскими-гайдарами...

Ну, а пока мы дожили все-таки до самого святого праздника нашего народа — Дня Победы и даже отметили ее 50-летие.

Думаю, никому не надо доказывать, что народ по существу заставил российские власти отметить этот юбилей. В конце концов они поняли, что в этом нельзя противостоять всему обществу.

В течение полутора лет я был председателем Попечительного совета «Прохоровское поле». Целью этой сугубо общественной организации было создание мемориального комплекса в Прохоровке, Белгородской области, где в 1943 году развернулась гигантская танковая битва, обеспечившая перелом в Курско-Орловской операции. После нее, как известно, гитлеровская армия только отступала. Комплекс, включающий в себя памятник-звонницу непосредственно на поле сражения, православный храм, дом ветеранов войны, дом культуры с музеем, был открыт накануне 50-летия Победы. Это стало возможным только потому, что люди сохранили благодарную память о тех, кто спас Отечество. Многочисленные денежные поступления, безвозмездные поставки материалов и техники, одухотворенный труд строителей позволили создать такой крупный комплекс в кратчайший срок. Пользуясь случаем, приношу всем участникам этого благородного дела глубокую признательность.

Этот праздник всегда вызывает чувства радости и гордости за свою страну, за ее народ, но и печаль по погибшим и пострадавшим в невиданной до того войне. А теперь к этому присоединяется и жгучая горечь от мыслей о судьбе преданного «своими» же Союзу ССР, о продолжающихся попытках так или иначе опорочить подвиг советских людей.

В последние годы при молчаливом согласии руководителей страны шельмуется все, относящееся к этому величайшему в истории мира событию, без преувеличения — самопожертвованию всех народов и поколений людей, вынесших войну на своих плечах. Под насквозь фальшивыми предложениями уравниваются агрессор и его жертвы, победители и побежденные, Сталин и Гитлер, СССР и фашистская Германия. Происходят умопомрачительные вещи: «демок-

раты» повторяют примерно то, что говорил Гитлер. Тот — «большевики являются смертельным врагом национал-социалистической Германии». Эти — объявляют российских коммунистов злейшими врагами «демократов» России. Выходит, фашисты и «демократы» имеют одного врага и, следовательно, являются историческими соратниками в борьбе с ним? Не пора ли господам «демократам» освежить свои представления о логике? Впрочем, те, кто постоянно прибегают к нечистоплотным средствам, рано или поздно все равно оказываются в напущенной ими же луже. Яркие примеры тому — Горбачев, А. Яковлев и иже с ними, презираемые миллионами людей.

Не отстает от них и новая команда любителей вывозиться в грязи. Теперь они поставили среди своих первоочередных задач запугать всех внутри и вне страны русским фашизмом. Я не сомневаюсь в том, что в нашем народе, испытавшем неисчислимые бедствия от фашизма, любая серьезная попытка создать такое движение получит самый мощный отпор. Дело здесь в другом: зная, что историческая память народа хранит зверства гитлеровцев, некоторые нынешние власти, в том числе на самом высоком уровне, пытаются связать оппозицию, и в первую очередь народно-патриотические силы, с этим отвратительным для наших людей понятием — фашизмом.

С болью в душе делаешь вывод: свою Родину любить стало как-то даже неприлично. Скажешь, что ты — ее патриот, тут же окажешься «красно-коричневым». В последнее время некоторые деятели открыто используют и свое новейшее изобретение — термин «коммунофашисты». На это не реагируют власти, хотя в основном они состоят из бывших партийных функционеров. Но не задумывается ли вы, господа бывшие товарищи, хотя бы над тем, что каждому понятию и определению есть всегда противостоящее ему и имеющее, как минимум, точно такое же право на существование. Например, не вдаваясь в лингвистику, «коммунофашизму» с полным основанием можно «в пару» предложить «демофашизм», а вашим излюбленным «красно-коричневым» — «черно-коричневые» (напомню, что у итальянских фашистов рубашки были черные, а у немецких — коричневые). И эти термины куда более обоснованы: не кто-нибудь другой, а именно «демократы» прибегли к слишком хорошо известным из истории приемам — физическому уничтожению с помощью вооруженных сил своих политических противников и даже конституционных органов власти, а затем и самой Конституции. Так что, может

быть, не стоит бросать где попало грабли зубьями вверх? Можно ненароком и наступить на них.

Весной нынешнего, 1995 года появился указ Президента с длинным названием и со словами «о проявлениях фашизма и политического экстремизма». Не знаю, конечно, будущей судьбы этого указа. Не исключаю, что она будет такой же, как и у его бесчисленных предшественников. Но может получиться и все наоборот: его используют для борьбы с любым инакомыслием, не говоря уже о «инакодействии». Он открывает для этого широкие возможности. Разумеется, я принадлежу к принципиальным противникам фашизма, но меня в указе настораживают такие формулировки, как «деятельность политических экстремистов», «возбуждение, разжигание социальной розни» и т. д. Задаешься вопросом, где же границы этих понятий? Как расценивать забастовки шахтеров с требованием смены Правительства и Президента или выступления многих людей, в том числе и ученых, с их призывом изменить социальный курс? Как расценивать парламентскую борьбу с исполнительной властью по социальным же вопросам? Назвать это разжиганием социальной розни? Ну, а очередным шедевром логики сочинителей и подписанта указа является то, что уже почти в конце этого документа дается поручение Российской академии наук в двухнедельный (!) срок дать научное разъяснение понятия «фашизм». Указ о борьбе с фашизмом есть, а понимания этого термина нет...

Думаю, что появление такого документа — это еще один шаг в планомерной подготовке общественности к переносу, а вернее — отмене выборов Президента. Да и руководитель Совета Федерации что-то слишком часто поговаривает о целесообразности продления полномочий нынешнего его состава. В этих целях могут быть использованы в качестве аргументов и кровавые события в Чечне, и не останавливающийся разгул преступности, в том числе отстрел депутатов и известных общественных деятелей, и т. д. Сгодятся любые предлоги — лишь бы их накопить.

Перешагнув через кровавые события октября 93-го, почувствовав свою безнаказанность за подобные злодеяния, пройдя в Чечне через большую кровь, исполнительная власть при аморфной позиции парламента, а если говорить о его руководстве, то и поддержке, ни перед чем не останавливается. Разве уже забыты кульбиты Президента в сентябрьско-октябрьские дни 93-го? На предложения В. Д. Зорькина о нулевом варианте, который я подписал в числе

известных общественных деятелей страны, Президент заявил, что он не согласен с одновременными перевыборами парламента и его самого, и внес предложение досрочные выборы Президента провести в июне 94 года. Это было сказано на весь мир. Сегодня идет 95 год, и эти прошлые обещания, как и бесчисленные другие, уже забыты. Кстати, известно, что дурной пример заразителен: среднеазиатские государства и Казахстан уже продлили полномочия своих президентов. Разумеется, по сложившейся практике мировое сообщество как будто не замечает этого. Его устраивает политика нынешних режимов в странах СНГ.

Как в свое время завершился романтический период перестройки, так и приказал долго жить период «демократической» романтики. Все становится на свои места. Побаловались, побыли в мире грез — и хватит. Пора просыпаться! Авторитаризм стал нашей реальностью — и в Конституции, и в повседневной жизни. Как я уже говорил, круг замкнулся. Десять лет назад началось движение для ухода от авторитарного правления Генсека и ЦК КПСС, а пришли еще к более жесткому и неприкрытому авторитаризму одного человека.

Теперь лихорадочно ищут веские причины для продления этого режима. О какой победе нынешних руководителей на честных выборах может идти речь, если рейтинг Президента сейчас равен шести процентам?! Выборы в ближайшее время — это отставка от власти обанкротившихся политиканов. Поэтому недвусмысленно звучат следующие слова указа: «Нельзя допустить, чтобы рост политического экстремизма привел к срыву очередных выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления...» Следовательно, подогнав под термин «политический эстремизм» все, что не совпадет с позицией властей, можно сказать, что по его вине выборы не состоялись. «Тонкая» игра, рассчитанная на пока еще в основном сохраняющееся политическое равнодушие масс. Впрочем, люди уже начинают понимать смысл малопристойных маневров на арене государственной политики. Так, срочное создание новой «партии власти» в виде президентско-правительственного избирательного блока с самого начала воспринимается общественностью как судорожная, отчаянная попытка остаться любой ценой у государственного руля и тем самым избежать ответственности за все, сотворенное со страной.

Затрону еще одну сторону современных отношений власти и народа, внешнюю лишь на первый взгляд. Читатели

наверняка помнят, сколько популистских воплей неслось из стана «демократов» по поводу существовавшего при Советской власти правила иметь пропускную систему для входа в главные государственные и партийные учреждения. Это был чуть ли не основной козырь в борьбе с «бюрократами, отгородившимися от народа охраной». Требовали обеспечить свободу посещения любым человеком любого правительственного или иного учреждения в любое время. Нерезко, конечно, но под давлением прессы, митингов, ярых проклятий с экранов телевизоров многие сняли охрану, другие переодели милицию в гражданскую одежду.

Я тоже в какой-то мере стал «жертвой» этой кампании. В 89—90 годах мне, работавшему по жесточайшему ежедневному графику с 8.30 утра до 11 вечера, технический секретарь или помощник (последних у меня было всего четверо) часто докладывал, что в приемной находятся несколько депутатов Верховного Совета. Они в то время имели пропуск в Кремль и с ним могли пройти в любое его помещение. Приходилось ломать свою программу и принимать их, рассматривать их просьбы — указы избирателей. А через день-два они же с трибуны всячески поносили Правительство. Я не сторонник вот таких партизанских набегов к кому угодно и когда угодно. Во всем должен быть порядок, и я постепенно ввел в какое-то русло сверхэнергичных и иногда бесцеремонных депутатов. Их просьбы о встрече записывал помощник, и в ближайшие несколько дней они уже сидели со мной, пили совминовский чай и говорили о своих проблемах. То же самое происходило и у моих заместителей. А многочисленные встречи с шахтерами, работниками других отраслей, с учеными и специалистами? Думаю, у меня есть все основания сказать, что руководители Правительства, особенно в последние перед отставкой годы, не отгораживались от людей, — вопреки тому, о чем так много писали и говорили в то время.

Или возьмите заседания Верховного Совета СССР. Я всегда сидел на постоянном месте в первом ряду в секторе Правительства. В этом ряду было всего два места. Депутаты быстро сообразили, что во время заседания можно подсесть к главе Правительства и попытаться решить некоторые вопросы, да еще обязательно оставить и соответствующий официальный документ. Смысл таких маневров депутатов я прекрасно понимал и не осуждал их за это. Они ведь пытались решить проблемы до этого обычно в других инстанциях, но в силу каких-то причин это у них не полу-

чалось. Для меня такая практика была большой нагрузкой, так как с каждого заседания я приносил разбухшую папку с документами. Но это было и доверие к главе Правительства. Помню, именно таким образом был решен вопрос доктором Т. А. Старостиной о реконструкции одного из зданий Медицинской академии и строительстве двух родильных домов в Москве при помощи турецких компаний с оплатой поставляемым в Турцию газом. Так же быстро решили вопрос ныне покойной поэтессы Юлии Друниной о посмертном награждении воинов, погибших в пещерах Керчи... Кольцо охраны нигде не отгораживало Предсовмина от людей, даже если они не были депутатами.

Недавно стало известно о новых порядках, установленных в Кремле и вне его. Чтобы попасть на прием к своему, например, министру, надо позвонить его помощнику, объяснить содержание вопроса, которым вы осчастливите начальство, все будет заведено в компьютер, и в конце недели министр просмотрит все это и даст ответ — примет или нет. В Кремле еще сложнее. Не знаю, какими путями добираются теперь на встречу с Президентом, а вот «тень» направляющегося к работнику президентского аппарата следует за ним по пятам, даже, извините, в туалет. Доверительные разговоры происходят в коридорах, а в своих кабинетах люди предпочитают при обсуждении деликатных вопросов обмениваться записками. О каком единении народа и сегодняшних лидеров может идти речь? Такого не было даже в самые жесткие времена. Могли ли подумать Хрущев, Брежнев, Горбачев, чтобы в коридоре, где заседает Политбюро, было установлено устройство, как в аэропортах, для обнаружения железных предметов? Да еще иметь и передвижное, быстро монтируемое в том здании, где появится нога Президента. А как оскорбительны для людей, идущих через Кутафью башню Кремля на спектакль во Дворце съездов, такие устройства и личные досмотры, чтобы не сказать обыски?!

Так как вы думаете: за антидемократической формой может быть демократическое содержание? Нет, критерий здесь прост: или ты в контакте с людьми, или отгораживаешься от них милицейской охраной, системой спецслужб, которые работают не против внешнего противника, а подозревают собственный народ и борются с ним. Надо много напакостить, чтобы панически бояться за самого себя в своей собственной стране и жить постоянно в таком кольце, точнее, кольцах охраны, которые не снились и Сталину.

А сопоставьте два, кажется, «жучка» в штаб-квартире конкурирующей партии, послуживших поводом для «уотергейтского дела», приведшего к импичменту Президента США, с нынешней тотальной слежкой в России. И это — демократия?

Да, наступила проза жизни. Начало удушению истинно демократических принципов и рождению современного авторитаризма положил Пятый съезд народных депутатов России, наделивший Президента чрезвычайными полномочиями. Депутаты должны были бы знать, что авторитаризм является режимом государственной власти с ярко выраженной личной диктатурой и перспективой перерастания в тоталитаризм.

Видимо, наивная их часть полагала возможным вернуться когда-нибудь на демократический путь развития. Пустые мечтания! Очень скоро, в октябре 93-го, им был положен конец. С этого момента страну повели к тоталитаризму, то есть государственному строю с полным (тотальным) контролем над всеми сферами жизни, насилием, фактическим уничтожением основных демократических свобод и прав личности. Все последние события подтвердили это. Разве гибель людей и разрушения в Чечне являются реализацией прав человека на жизнь, на жилище и т. д.? Разве требования многомиллионной оплаты операции или обучения в вузе есть реализация права на охрану здоровья, на образование? Разве экономическое удушение оппозиционной прессы и недопущение в эфир противников курса Ельцина и К^о обеспечивает реализацию права на свободу слова? Подобных вопросов — бездна. Вернусь еще раз к А. И. Солженицыну. Выступая в Госдуме, он говорил:

«А какой у нас строй сегодня? Никак не демократия, сегодня у нас, признаем честно, олигархия, то есть власть ограниченного замкнутого числа персон».

Конечно, олигархия не всегда равнозначна тоталитаризму, но в политической практике они, как правило, сливаются друг с другом. Так и в нашем нынешнем авторитарно-тоталитарном правлении политическую погоду делает кучка людей во главе с Президентом.

Сложившаяся в последнее время авторитарная система, постепенно перерастающая в тоталитарную, ее действия вызывают у народа ответную реакцию. Все больше и больше людей приходят к выводу, что восстановление социализма в новом, очищенном от разных наслоений виде и необходимо, и неизбежно. Даже в чем-то несовершенный социа-

лизм, по их мнению, лучше, чем капитализм, тем более в его нынешней криминальной и полуколониальной форме. Запаса общественной поддержки, полученной радикальными демократами в августе 91-го, хватило лишь на два года. Поэтому и сохранение сегодняшнего политического и экономического курса возможно только силовыми методами.

Думаю, что рождение нового социализма не окажется чревато гражданской войной. Это будет лишь выбор различных моделей социализма. В борьбе за власть станут реально соперничать две-три социалистически ориентированные партии. Это не позволит им расслабляться и загнивать. Ошибки КПСС необходимо учесть.

Наступит и время нового государственного устройства, восстановления Советской системы. Жизнь показала, что Советы являются наилучшей формой организации государственной власти в условиях нашей страны. Социологические исследования подтверждают, что большинство людей поддерживают эту точку зрения. Но, как и в связи с социализмом, подавляющее их число требует преобразований Советов с учетом опыта прошлого и реалий сегодняшнего дня. Создание новых полноправных Советов обеспечит условия для истинно демократического разделения властей. А это является одним из великих достижений политического развития человечества. И тогда новосоциалистическая Россия станет самым демократическим государством мира.

Итак, новый социализм и новые Советы — вот единственно возможный для нашей страны путь спасения и возрождения как современной, цивилизованной и великой державы. Это, говоря языком философов, двуединое необходимое и достаточное условие для достижения такой цели. Но есть еще один фактор, который может ускорить этот процесс и сделать его еще более эффективным, — добровольное восстановление в той или иной мере единства страны на условиях и в формах, учитывающих интересы всех составляющих ее частей.

После декабря 91-го и сентября-октября 93 года исчезли сначала единое государство, а затем и общественный строй, который на протяжении нескольких десятков лет сохранял целостность страны, созданной за прошедшие века. Ее разрушители, на мой взгляд, даже не отдавали себе в полной мере отчета в тяжелейших последствиях этого рокового шага. В нашей истории немало было желавших разбить огромное государство на средние и мелкие образования, но

много было и политиков, и мыслителей, которые предостерегали от подобных шагов.

В свое время русский философ Иван Александрович Ильин с необычайной прозорливостью говорил о том, что ожидает Россию, если она поддастся на подобные идеи. Его выводы опирались на исторический опыт, особенности нашего общества, государства Российского. Приведу выдержки из его публицистических работ — впечатление такое, что они написаны сегодня:

«Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно сложенный «механизм» «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению... Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена.

Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения... Россия превратится в гигантские «Балканы», в вечный источник войн, в великий рассадник смут. Она станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран... — все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы Вселенной. Расчлененная Россия станет неизлечимою язвою мира».

Реальное положение дел в России подтверждает пророческие слова нашего соотечественника. И в этих условиях неизбежно возникают вопросы — и у нас, и за рубежом: что это за государство, каков его статус в мире, к чему оно идет и придет? Остановлюсь на некоторых обстоятельствах двоякого рода — внешних и внутренних.

Запад, с восторгом встретивший расчленение «империи» под названием Советский Союз, ныне с удовлетворением говорит, что «Россия больше не играет глобальную роль за исключением ядерного влияния». Збигнев Бжезинский в 94 (!) году заявил, что только «перестав быть империей, Россия сохранит шанс... стать нормальным государством». «Железная» логика! СССР был империей, Россия в нынешних границах, по его мнению, тоже, оказывается, является империей. Полагаю, что скоро он и ему подобные западные «доброхоты» порекомендуют нам ужаться до границ московского княжества XV века. Вот тогда мы и будем, по их

представлениям, «нормальным государством». Эту мысль развивают и другие заморские политологи. Они предсказывают, что Российская Федерация в ближайшее десятилетие, как и Индия, Пакистан, Южная Африка, Ирак, может быть разорвана на части волной дезинтеграционного национализма. Действительно, мы уже сталкиваемся с открытыми территориальными претензиями не только со стороны государств дальнего и ближнего зарубежья, но и со стороны своих, внутрироссийских республик. Отечественные националисты культивируют мнение, что эти республики не есть Россия. Они, как и зарубежные оракулы, убеждают всех, что она обречена на распад.

Ну, а пока большие дискуссии идут по вопросу, является ли Россия великой державой. За рубежом ее уже вновь, как во времена СССР, стали называть «сверхдержавой» — ведь ныне живущее поколение уверено, что наша страна остается великой. Но там, я уже говорил, постепенно формируется иное мнение. Не признают — и все! Разве можно считать великой страну, которая ходит на полусогнутых ногах и с протянутой рукой по миру? Чтобы все-таки признали Россию великой державой на встрече в Неаполе, о которой я уже говорил, наш Президент пошел на все уступки ради то ли малости, то ли милости, лишь бы Россия «была принята и признана как равная» в «клуб» великих держав. «Мы говорим, — цитирует Ельцина американская газета, — давайте нам равные права». Не дали. Подобное происходило и в ООН в сентябре 94 года. Ну, а теперь подумайте: можно представить себе, чтобы американский Президент бил себя в грудь и уверял другие страны и весь мир в том, что США — великая держава?

Действительно, великой державе не надо никому ничего доказывать. Ее роль и значение проявляются в делах, в реальном влиянии на международные отношения, в ее авторитете в мире. Ну, а нынешним нашим политикам не остается, видно, ничего другого, кроме как продолжать опускаться по ступеням национального унижения. Они, так и не дождавшись признания России великой державой западными «друзьями», используют еще один неблагоприятный метод — шантаж: если вы не признаете Россию великой под руководством демократов, то она станет великой под руководством националистов и экстремистов. И тогда вам несдобровать, — утверждают они.

Да, Россия переживает сейчас тяжелейшие времена. Это является результатом экономического хаоса, политической

неразберихи, попытки насильственно переделать страну под западные стандарты. Величие же России как раз и обеспечивается самобытностью ее населения. Россияне — великий народ, уникальный по своей культуре и мышлению. Кроме того, у нас все еще огромная территория, богатые природные ресурсы. Все это дает основание говорить о России как об одном из лидеров человеческой цивилизации, о том, что она была, есть и останется великой державой.

Сейчас Россия в очередной раз в беде. Об этом говорят практически все на митингах, собраниях, с экранов телевизоров, за круглыми столами... При этом используются данные, характеризующие тот или иной отдельный вопрос. Специалисты Российской академии наук в начале 95 года провели системный анализ на основе показателей, общепринятых в мировой практике. Думаю, выдержки из этого материала будут достаточно интересны читателям моей книги.

Базовым макропоказателем развития экономики считается валовый внутренний продукт (ВВП), его динамика. В качестве критического уровня его падения принимаются показатели великой депрессии 30-х годов, когда объем ВВП США снизился на 30 процентов. Падение производства в России по скорости и глубине беспрецедентно для мирного времени. Так, выпуск продукции в машиностроении опустился на 60, в легкой промышленности — на 70 процентов. В целом ВВП снизился более чем вдвое.

Под угрозой находится продовольственная безопасность страны. Производство основных продуктов питания уменьшилось на 30—40 процентов. В качестве предельно допустимого принято считать 30-процентный уровень потребления импортных продуктов питания, после чего возникает стратегическая опасность оказаться в зависимости от поставщиков продовольствия. Россия, которая в состоянии обеспечить себя продовольствием, закупает около 50 процентов потребляемых продуктов питания, а крупнейшие города, например, Москва, как сообщала пресса, уже на 70 процентов зависят от их импортных поставок.

Важный показатель экономической безопасности — доля инвестиций в ВВП страны. В настоящее время темпы снижения капиталовложений опережают его падение, и их объем составляет лишь 32 процента от уровня 90 года, причем в машиностроении, легкой промышленности, строительстве, сельском хозяйстве этот показатель составляет вообще только 10—15 процентов. Учитывая, что инвести-

ционный спрос иностранных компаний упал в начале 95 года в 15—20 раз, можно констатировать, что в стране отсутствуют условия даже для простого воспроизводства.

Угрожающим фактором для устойчивости экономического развития и перспектив технологической модернизации промышленности является узко сырьевая ориентация российского экспорта. Для России характерна ярко выраженная его топливно-сырьевая структура (около 80 процентов общего объема). Страна сможет лишь тогда стать полноправным участником международного рынка, когда при постоянно возрастающих объемах экспорта доля продукции обрабатывающей промышленности во всех поставках за рубеж достигнет 40, а доля высокотехнологичной продукции — 10—15 процентов.

Увеличения объемов экспорта при опережающем росте в нем доли высокотехнологичной продукции невозможно достичь без стабильного инвестирования науки. Опыт передовых в технологическом отношении стран показывает, что доля государственных ассигнований на науку не должна быть ниже 2 процентов ВВП. В Израиле она составляет 3,5, в Японии — 3,05, в США — 2,75 процента. В России этот показатель в 94 году был равен 0,32 процента! Снижая научный потенциал, страна рискует потерять свое будущее, навсегда опоздав в XXI век, который справедливо называют информационным.

Крайне неблагоприятные изменения в связи с реформами происходят и в социальной сфере. Одновременно с падением производства и приватизацией снижается производительность труда и в худшую сторону изменяется отношение населения к нему. Мнение о том, что основной способ достижения материального благополучия связан не с трудом, а с различного рода деятельностью, противоречащей закону и морали, превращается в устойчивый стереотип массового сознания.

Крайне неблагоприятно выглядит и динамика показателей уровня жизни населения, свидетельствующая о растущей неэффективности функционирования национальной экономики, что в конечном итоге является одним из основных факторов социально-политической нестабильности в стране.

С начала экономических реформ реальные доходы граждан России снизились, по различным оценкам, в 2—3 раза. Расслоение общества по доходам превысило предельно допустимые для развитых государств нормы. Социальная прак-

тика экономически стабильных стран показывает, что на пороге бедности по объективным причинам могут проживать не более 10 процентов населения, причем прожиточный (физиологический) уровень необходимо гарантировать каждому члену общества. В российском обществе, по различным оценкам, 40 процентов населения живут за порогом бедности.

Неблагоприятны и показатели соотношения средней и минимальной заработной платы: в целом по России последняя составляла лишь чуть более 9 процентов от средней, в то время как в социально ориентированном обществе она не должна быть ниже 30—40 процентов.

Важнейшим следствием углубления социально-экономического кризиса стал рост безработицы. Официальные данные не учитывают колоссальную по масштабам скрытую безработицу. С ее учетом уровень безработицы уже сейчас оценивается в 13 процентов. В западных странах 6-процентный уровень безработицы считается допустимым, а 8—10-процентный квалифицируется как критический. В России ситуация усугубляется тем, что, по мнению экспертов Министерства экономики, Государственный фонд занятости не способен обеспечить работой все трудоспособное население.

Я не останавливаюсь на анализе еще многих проблем. Приведу лишь обобщающую таблицу основных данных этого исследования. Предлагаю ее вниманию читателей, несмотря на некоторые повторения с предваряющими пояснениями к ней, поскольку она, на мой взгляд, имеет принципиальное значение.

СООТНОШЕНИЕ ПРЕДЕЛЬНО-КРИТИЧЕСКИХ И РЕАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 1994 ГОДУ

(база сравнения — 1990 год)

Название показателя	Предельно-критический показатель в мировой практике	Величина показателя в России в 1994 году	Вероятные социально-политические и экономические последствия
---------------------	---	--	--

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Уровень падения ВВП	30—40%	50%	Деминдустриализация экономики
Доля импортных продуктов питания	30%	50%	Стратегическая зависимость от других стран

Название показателя	Предельно-критический показатель в мировой практике	Величина показателя в России в 1994 году	Вероятные социально-политические и экономические последствия
Доля в экспорте продукции обрабатывающей промышленности	40%	12%	Консервация сырьевой ориентированности экономики
Доля в экспорте высокотехнологичной продукции	10—15%	1%	Технологическое отставание экономики
Доля от ВВП государственных ассигнований на науку	2%	0,32%	Разрушение интеллектуального потенциала

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

Соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных групп населения	10:1	15:1	Антагонизация социальной структуры
Доля населения, живущего за порогом бедности	10%	40%	Люмпенизация населения
Соотношение минимальной и средней заработной платы	1:3	1:10	Обесценивание рабочей силы
Уровень безработицы	8—10%	13% (с учетом скрытой безработицы)	Рост социально обездоленных категорий населения

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Условный коэффициент депопуляции (отношение числа умерших к числу родившихся)	1	1,63	Интенсивная депопуляция населения
Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте)	2,14—2,15	1,39	Отсутствие простого замещения поколений

Название показателя	Предельно-критический показатель в мировой практике	Величина показателя в России в 1994 году	Вероятные социально-политические и экономические последствия
Средняя продолжительность жизни населения в 1994 году	США, Великобритания — 75 лет, Канада — 76 лет, Швеция — 78, Япония — 79 лет	Россия — 65 лет (59 — у мужчин, 72 — у женщин). В 1987 году продолжительность жизни равнялась 70 годам	Ухудшение здоровья населения
Коэффициент старения населения (доля лиц старше 65 лет в общей численности населения)	7% и выше означает «старое» население	11%	Старение населения

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Суммарные поступления от экологических платежей (в % от ВВП)	5% (Германия)	0,1%	Низкий уровень экологического контроля
--	---------------	------	--

ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ОТ НОРМЫ ПОВЕДЕНИЕ

Уровень преступности	5—6 тыс. преступлений на 100 тыс. населения	6—6,5 тыс. преступлений на 100 тыс. населения	Криминализация общественных отношений
Уровень потребления алкоголя	8 л. абс. алкоголя на человека в год	14—18 л. абс. алкоголя на человека в год	Физическая деградация населения
Число самоубийств на 100 тыс. населения	3 (до 1917 г. в России)	36 (данные 1993 г.)	Чувство безысходности в массовом сознании
Уровень распространённости психической патологии на 1000 чел.	284 (рост около 21% в год)	280 (рост около 20% в год)	Психическая деградация населения

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Доля граждан, выступающих за кардинальное изменение политической системы	40%	43%	Неприемлемость для общества существующей власти
--	-----	-----	---

Название показателя	Предельно-критический показатель в мировой практике	Величина показателя в России в 1994 году	Вероятные социально-политические и экономические последствия
Уровень доверия населения к центральным органам власти	20—25%	около 10%	Отчуждение власти от народа

Вот такова неприглядная и тяжелейшая ноша реформ. Превышение предельно допустимых норм может стать самостоятельным фактором созревания социально-экономического взрыва и последующих политических изменений в стране. Общая тенденция во всех отмеченных в таблице направлениях — движение в сторону образования критической массы распада государства и общества.

Главная причина такого катастрофического положения страны в том, что в последнее время власть перестала выражать интересы народа и поставила себя вне его контроля. Выход из этой ситуации может быть только один: установление подлинного народовластия.